

Источник: Словесность и культура как образ национальной ментальности : юбилейный сборник трудов преподавателей филологического факультета ВГПУ / ГОУ ВПО «Вологод. гос. пед. ун-т». – Вологда, 2010. – С. 12-26.

**Семантика некалендарных прозвищных личных имен
в деловой письменности Северной Руси начала XVII в.
(на материале писцовых книг
Белоозера, Вологды, Великого Устюга)**

Имена — это тоже язык, язык и культура в своих,
может быть, характернейших ракурсах...
которые могут объяснить многое в языке
и культуре вообще.

О.Н. Трубачев

В ряде работ по исторической антропонимике (В.Д. Бондалетов и другие) дается периодизация восточнославянской антропонимии. Как правило, выделяются два периода: дохристианский и христианский. Граница между ними — 988 г. — год крещения Руси. В.А. Никонов делит второй (христианский) период на четыре более мелких: 1) X—XIII вв.; 2) XIV—XVII вв.; 3) От Петра I до реформы 60-х годов XIX в.; 4) 1861—1917 гг. [1].

Выделение двух периодов — X—XIII вв. и XIV—XVII вв., соотносящихся со временем существования общевосточнославянского (древнерусского) языка и языка великорусской народности (старорусского), — оправданно, потому что состав и структура русского именника в эти периоды существенно различались. Именник восточных славян в период их этнической общности изучен явно недостаточно, хотя в наши дни в связи со значительным пополнением состава берестяных грамот уже можно выявить особенности антропонимической системы этого отдаленного от нас времени.

Попытки такого рода уже предпринимались лингвистами. Помимо работ С. Роспонда, Н.А. Мещерского и др., отметим статью Н.В. Подольской, в которой выделены группы древнейших некалендарных имен: первично непроезводные (*Кривъ, Малъ, Сынъ* и др.), сложные (компози́ты): *Бориславъ, Ратъмиръ, Мирославъ*, вторичные производные (*Нажиръ, Несулъ*), отмечено также наличие прибалтийско-финских антропонимов. Отличительная черта древнейшей славянской антропонимии — наличие общеславянских (и даже индоевропейских) элементов, преемственность имен в ходе динамики антропонимической системы [2].

Эти и некоторые другие работы положили начало исследования антропонимов древнерусского языка. Антропонимическая система X—XIII вв. требует дальнейшего глубокого и всестороннего изучения.

Антропонимия более позднего времени (XIV—XVII вв.) изучена более основательно (см. работы А.М. Селищева, Н.М. Тупикова, В.К. Чичагова, С.И. Зинина, А.Н. Мирославской и др.). Однако и здесь остается множество не решенных пока еще вопросов. Достаточно напомнить, например, различные мнения по поводу разграничения некалендарных личных имен и прозвищ. В.К. Чичагов считает, что в XV—XVII вв. некалендарные имена были уже не именами, а прозвищами [3]. По словам М.К. Тупикова, старые русские имена всегда были официальными, различий между именами и прозвищами в структурной формуле именовании человека не было [4].

Даже беглый взгляд на состав и структуру имен русского языка XV—XVII вв. свидетельствует о глубоких различиях в именовании людей в сравнении с периодом XI—XIII вв. Значительно активизируются в языке великорусской народности календарные имена, почти полностью выпадают композиты (за исключением тех, которые нашли отражение в святцах). Именно в этот период формируются две группы некалендарных имен, которые долгое время не находили общепринятых названий. А.М. Селищев именуется их некалендарными личными именами и прозвищами. К сожалению, отличительные признаки этих групп ученым не были выделены. Более того, А.М. Селищев дает семантическую (по

значению основы) и морфемную (по суффиксальным элементам) классификацию некалендарных имен в целом, не разграничивая личные имена и прозвища [5].

А.Н. Мирославская называет эти две группы имен первичными и вторичными некалендарными. Опираясь на семантическую классификацию А.М. Селищева, в составе первичных она выделяет названия людей по порядку и времени рождения (*Первуша, Поздей*), имена, указывающие на отношения родителей к факту появления нового члена семьи (*Бажен, Ждан, Кручина*), имена, характеризующие внешний вид новорожденного (*Беляй, Кроха, Худяк*), именованья, определяющие черты характера, поведения, проявляющиеся с детства (*Безсон, Будай, Неутокой*).

В составе вторичных антропонимов ею названы именованья по профессии, социальному положению, по месту происхождения, этнической принадлежности, по названиям животных, птиц, рыб, предметов, по внешнему виду, особенностям поведения, характеру, проявляющимся у человека, уже вышедшего из младенческого возраста. Подробная классификация вторичных некалендарных имен в ее работе отсутствует [6].

В дальнейшем Б. Унбегаун дает более удачные, на наш взгляд, названия этим группам: внутрисемейные личные имена и прозвищные. Именно эти термины нашли широкое применение в исследованиях по ономастике.

В работах по исторической антропонимике последних десятилетий (А.Н. Мирославской, Б. Унбегауна, Г.Я. Симиной, Т.В. Бахваловой и других) уже выявлены некоторые отличительные особенности внутрисемейных и прозвищных некалендарных личных имен. Суммировать их можно схематически.

| | Внутрисемейные имена | Прозвищные имена |
|---------------------|---|---|
| Время возникновения | Давались в семье после рождения ребенка | Присваивалась человеку во взрослом состоянии |
| Функция | Обычно идентифицирующая | Характеризующая, чаще вместе с идентифицирующей |

| | Внутрисемейные имена | Прозвищные имена |
|--|---------------------------------------|--|
| Стадия формирования | На онимической стадии | На апеллятивной стадии |
| Объем группы | Несколько десятков антропонимов | Несколько сотен антропонимов |
| Морфемная структура | Наличие суффиксов субъективной оценки | Суффиксы субъективной оценки отмечены в редких случаях |
| Местоположение в составе именовании | Обычно на первом месте | Обычно на втором месте, изредка на первом |
| Ареал | Общерусские | Общерусские и локальные |
| Роль в современной антропонимической системе | В составе фамилий | В составе фамилий и прозвищ |

Сопоставление признаков некалендарных внутрисемейных и прозвищных личных имен с календарными может подсказать ответ на вопрос, почему именно внутрисемейные имена активно «сопротивлялись» вытеснению христианскими и сохранялись на Руси более длительный период. Многие признаки внутрисемейных имен, отличные от прозвищных, сближают их с календарными христианскими именами (функция, морфемная структура, местоположение в составе именовании, роль в современной антропонимической системе). Недаром в работах ряда антропонимистов отмечается, что внутрисемейные имена составляют функциональное ядро некалендарных личных имен (А.М. Селищев, Т.В. Бахвалова).

Вместе с тем незначительный объем данной группы (несколько десятков антропонимов) вызвал появление одноименности и тем самым способствовал формированию значительного количества прозвищных имен, которые становились обычно дополнительными именами в формуле именовании, идентифицирующими личность.

Некалендарные прозвищные имена русского языка XV—XVII вв. изучены недостаточно, особенно в семантическом плане.

Между тем они представляют исключительный интерес для исторической антропологии и — шире — исторической лексикологии русского языка. Эти имена относятся к числу тех, которые дают возможность многое познать не только в русском языке того времени, но и в культуре.

Настоящая статья как раз и посвящается семантическому анализу прозвищных имен, отмеченных в переписных и дозорных книгах начала XVII в. таких северных городов, как Белоозеро, Вологда, Великий Устюг [7].

Известно, что XVII в. — это период, в течение которого некалендарные имена наиболее активно вытесняются заимствованными христианскими. Дальнейшее рассмотрение материала свидетельствует о том, что на Русском Севере в первой половине XVII в. некалендарные имена еще устойчиво сохраняют свои позиции, что подтверждает мысль О.Н. Трубачева о большой стойкости и преимущественном употреблении в деловой сфере традиционных рускославянских личных имен [8].

В исследуемых источниках некалендарные прозвищные имена могли выступать в качестве личного имени, являясь иногда единственным компонентом именования (*Живляк* — ДКБ, 71; *Петеля Захаров* — ДКБ, 36); второго дополнительного личного имени (*Семейка Гнус* — ДКБ, 357; *Васька Шабала* — ПКВУ, 175). Кроме того, на их основе формировались полуотчества и фамильные прозвания (*Данилко Угримов* — ДКБ, 60; *Максимко Цыкавин* — ПКВУ, 164; *Ондрюшка Микифоров Бекетов* — ПКВУ, 200; *Вторышка Ильин сын Туръзаков* — ДКБ, 45). Такого рода патронимы и фамильные прозвания являются базой реконструкции прозвищных имен.

Все исследуемые прозвищные имена делятся на две неодинаковые по объему лексико-семантические группы: в составе первой объединяются имена, содержащие характеристику самого именуемого (его внешний вид, внутренние качества, поведение). В составе второй, намого уступающей по объему, — имена, характеризующие человека по отношению его к разным сторонам жизнедеятельности, различным жизненным обстоятельствам (по названию рода деятельности, указание на социальное и имуще-

ственное положение, на этническую принадлежность, на прежнее место жительства и т.д.).

Первая АСГ делится на ряд подгрупп. Самая значительная из них связана по происхождению с апеллятивами, характеризующими внутренние душевные качества человека, его поведение и характер. В составе ее объемом и компактностью выделяется лексическое множество, компоненты которого соотносятся с нарицательными именами-существительными, отражающими особенности речи и характера человека. Отметим в составе данной группы прозвищные личные имена, восходящие к апеллятивам со значением: а) 'болтаивый человек, пустомеля': Ондрюшка Мелень (ДКБ, 59), Ондрюшка Балакша (ПКВУ, 176), Васька Гундаров (ПКВУ, 175), *гундарь* 'болтун, пустомеля, говорун' (Д: I, 408); Лазутка Зех (ДКБ, 69), *зехать* новг., твер. 'кричать, орать' (Д: I, 681); *Супыря* Некрасов (ДКБ, 36), *супорить* влд. 'говорить пустое, вздорное, попусту толковать' (Д: III, 365); Васька Шабала (ПКВУ, 175), *шабала* 'болтун, лгун, балагур' (Д: IV, 642); Нечай Щелкунов (ПКВУ, 336), *щелкун* 'пустобай, забияка' (Д: IV, 653) и др. б) 'человек с невнятной, гнусавой речью': Тренка Бормот (ДКВ, 226), *бормот* 'кто говорит невнятно, про себя, ворчит' (Д: I, 131); Ондрюшка Микифоров Бекетов (ПКВУ, 200), *бекетать* 'кричать по-овечьи, мямлить' (Д: I, 80); Федор Ревякин (ПКВУ, 191), ревяка прозвище медведя, *ревун* 'крикун, плакса' (Д: IV, 89); Ортемка Гнусин (ПКВУ, 218); Семейка Гнус (ДКВ, 357); *гнус* 'тот, кто говорит в нос, гнусаво' и др.

Общую сему с рассмотренными прозвищными личными именами имеют имена, образованные от существительных со значением 'беспокойный, шумный, вспыльчивый человек': Одрюшка Опалиха (ДКВ, 350), *опальство* 'вспыльчивость', *опальчивый* 'гневный, вспыльчивый' (Д: II, 675); Петеля Захаров (ДКБ, 36); *петельщик* 'сорванец, вспыльчивый человек' (Д: III, 106); Ивашко Трека (ДКВ, 354), *трекать* влд. 'бить, колотить' (Д: IV, 428); Вторышка Ильин сын Турьзаков (ДКБ, 45), *туразить* 'тонять, ловить с шумом, криком' (Д: IV, 444); Жданко Яковлев *Гремячей* (ПКВУ, 176) и др.

Более негативный характер имели личные имена, восходящие к существительному со значением 'брюзга, сварливый человек', а

также 'утрюмый, суровый': Степанко *Рагоза* (ДКБ, 348), поп *Рагоза* (ДКБ, 78), Неупоклой *Рогозин* (ДКБ, 50), *рогоза* сев. 'ссора, брань'; 'сварливый, неуживчивый человек' (Д: IV, 2); Ортюшка Ильин сын *Копосов* (ДКБ, 42), *копоский* вологод., новг. 'придирчивый, брюзгливый' (Д: II, 158); Данилко *Угримов* (ДКБ, 60), Фетка *Суворов* 352), *суворый* перм. 'суровый, сердитый', *сувор* 'нелюдим, брюзга' (Д: IV, 353); Максимко *Цыкавин* (ПКВУ, 164), *цыкавый* зап. 'сварливый' (Д: IV, 574).

Примыкают к данной группе личные имена, образованные от существительных со значением 'тот, кто ссорит людей, издевается и смеется над ними': Ивашко *Галибин* (ДКБ, 390), *галиться* сев. 'смеяться, издеваться' (Д: I, 312); Тренка Ондреев *Гиганов* (ПКВУ, 163), *гиганить* вят., перм. 'зубоскалить, поднимать на смех' (Д: I, 350), Матурко Логинов (ДКБ, 108), *матуриться* новг. 'издеваться' (Д: II, 302); Богадашко Чмутов (ДКБ, 50), *чмутить* перм. 'ябедничать, смущать, ссорить' (Д: IV, 602); Ромашко *Дерябин* (ДКБ, 54) и др.

Отмечены личные имена, образованные от апеллятивов, характеризующих моторику человека — подвижный, быстрый, лихой, отважный: *Лихачко* (ДКБ, 53); Филатко *Лихачёв* (ДКБ, 52); Олешко Иванов сын *Огонь* (ДКБ, 45); Терешко *Быструня* (ДКБ, 341), Ивашко *Удалой* (ДКБ, 337); Туранко (ПКВУ, 212), *туровый* вологод., новг. 'скорый, быстрый, бойкий' (Д: IV, 444).

Особо можно выделить группу личных имен, в лексическом значении которых доминирует денотативная сема 'суетливый человек': Ивашко Петров *Булдаков* (ПКВУ, 192), *булдачиться* 'суетиться, метаться, суматошиться' (Д: I, 140); *Суета* Мирин (ДКБ, 99); Тюшланка Петров (ДКБ, 339); Некрас Тюшаков (ДКБ, 68), *тюшиться* костр. 'суетиться' (Д: IV, 450), Шемячко Наумов (ДКБ, 75), *шеметать* 'суетиться попусту, бездельничать' (Д: IV, 628).

Сравнительно невелик круг слов, которые соотносятся с апеллятивами, характеризующими человека по его мыслительным (интеллектуальным) способностям. Критически оценивались излишняя простота, несообразительность, тупоумие: Павлик *Булыга* (ДКБ, 359), *булыга* 'болван, дубина, неотесанный человек' (Д: I, 141); Ивашко *Гогунин* (ПКВУ, 175), *гогона* новг., череп. 'болван,

чу́чело' (Д: I, 364); Юшко Бусырев (ДКБ, 362), *бусырь* 'тупый человек, придурок' (Д: I, 681); Лазурка *Зех* (ДКБ, 69), *зеха* пск., твер. 'разиня, простофиля' (Д: I, 681); Ефим *Дураков* (ДКБ, 54); Михайло *Дурносопов* (ДКБ, 68); Ивашко *Сопухин* (ПКВУ, 178); Богадашко *Тютя* (ДКБ, 347) и др.

Намного обширнее группа личных имен, дающих социальную оценку характера и поведения именуемого, в основном пейоративную. Осуждалось поведение человека, не желающего работать, бездельника, занимающегося бродяжничеством: Фетко *Базука* (ДКБ, 346), *базук* вологод. 'бранчливый, шатун, своевольный' (Д: I, 381); *Таскайко* (ПКВУ, 197), *таскун* 'шатун, беспутный проедала' (Д: IV, 392); *Шишарка* (ПКВУ, 202), *шишара* перм. 'сброд, шваль, голь перекатная' (Д: IV, 636); Матюшка Борисов *Шельгин* (ПКВУ, 202), *Шельга* Тяпрингин (ДКБ, 50), *шельган* новг. 'шалопай, бродяга, бездельник' (Д: IV, 620); Семен *Шиш* (ДКБ, 60), *шиш* вят. 'шатун, бродяга, вор' (Д: IV, 636); *Гуляйко* (ДКБ, 45); *Гуляйко* Васильев плотник (ПКВУ, 183); Якунко *Кастя* (ДКБ, 335), *касть* 'пакость, мерзость, гадость' (Д: I, 95); *Врага* Мосеев (ПКВУ, 191); *Брага* (ДКБ, 380), Олешка *Роспута* (ДКБ, 402); *Пьянка* (ДКБ, 355); Микифор *Хорохора* (ДКБ, 60), *хорохорник* 'оборванец' (Д: IV, 561); Петр *Беспортошник* (ДКБ, 370); Богадашко *Лежибоков* (ДКБ, 365); ср. также: Иван *Похабов* (ПКВУ, 905); Васка Иванов *Соплин* (ПКВУ, 200); Гришка *Вишвков* (ПКВУ, 189) и др.

К данному лексическому множеству примыкают прозвищные имена, характеризующие внешний облик человека и одновременно вскрывающие внешнюю сущность его: Пятунка Петров сын *Огваздин* (ДКБ, 43), *огваздать* твер. 'обмазать, опачкать, огадить' (Д: II, 642); *Урюпа* (АСВР, 1561, 293), *урюпа* новг. 'неряха, разгильдяй, замаранный' (Д: IV, 610); *Грязка* Сергеев (ДКБ, 365); Сенка *Заварза* (ДКБ, 365). Не остается незамеченным и такое свойство личности, как излишняя щеголеватость: Васка *Щапок* (ПКВУ, 208), *щап* 'щеголь, франт', *щапать* 'щеголять, франтить', сев.-вост. (Д: IV, 657); Лихашко *Щеголь* (ДКБ, 68); Ивашко Иванов *Гогол*, *гогол* 'франт, волокита' (Д: I, 364); Ивашко Иванов *Чистяков* (ПКВУ, 199) и др.

Вторая не менее обширная подгруппа прозвищных личных имен — имена, восходящие к существительным со значением 'наименование человека по его физическим внешним данным'. Выделяются личные имена, указывающие на рост именуемого, причем названий человека невысокого роста значительно больше: *Ивашко Коротыга* (ДКБ, 71); *Микитко Короткой* (ДКВ, 346); *Тимошка Маленькой* (ДКВ, 336); *Сакулка и Мишка Маленькие* (ДКВ, 348); *Курбат Поляков* (ПКВУ, 217); *Короткой Григорьев* (ДКБ, 54); *Коротайко Тарасов* (ДКБ, 54); но всего одно имя *Якушко Долгой* (ДКВ, 347).

В оппозиции худой — полный больше внимания обращается на первый член оппозиции: *Нечайко Сухой* (ДКВ, 352); *Ивашко Драница* (ДКВ, 336); *Тонкуша Веселой* (ДКВ, 382); *Суханко Замошкин* (ДКВ, 300); *Карпунко Коцафка* (ДКБ, 64); *Дениско Коцеев* (ДКВ, 339); *Тренко Тонкой* (ДКБ, 69); *Ермолко Ходоежен* (ДКБ, 66); *Харя Худошев* (ДКБ, 71); *Пятунка Карасов Художила* (ПКВУ, 163); *Пятунка Иванов Моца* (ПКВУ, 180); *Первушка Мора* (ДКВ, 348) и др. Второй член оппозиции находит выражение только в следующего рода наименованиях: *Максим Толъстая Потылица* (ДКБ, 71); *Рудачко Брюшинин* (ДКБ, 62); *Васка Савельев Толстой* (ПКВУ, 190); *Первушка Колоб* (ДКВ, 357); *Ивашко Пуза* (ДКВ, 319); *Сава Брюхин* (ДКБ, 58).

Ряд личных имен восходит к именам существительным со значением 'наименования человека по его физическим недостаткам': *Демка Семенов сын Хромцов* (ДКБ, 41); *Харитонко Степанов Колосолап* (ДКБ, 41); *Гришка Скуляба* (ДКВ, 338), *скулябленный* 'искривленный, искалеченный' (ВФ, 93); *Федор Сухорук* (ДКВ, 359); *Олешка Косой* (ДКВ, 357); *Логинко Глухой* (ДКБ, 60); *Иван Глушок* (ДКВ, 349); *Некраско Горбунов* (ДКБ, 60); *Жданко Горбунов* (ДКВ, 342); *Илейко Шадра* (ДКВ, 357) и др.

Отдельные личные имена указывают на внешние физические признаки, которые обращают на себя внимание окружающих: *Ивашко Белорук* (ДКВ, 352); *Богдашко Тимофеев Белоног* (ПКВУ, 220); *Мишка Семенов сын Белогуз* (ДКБ, 45); *Онисимко Корноухов* (ПКВУ, 102); *Иевко Микитин Толстоухой* (ПКВУ, 200); *Богдашка Шулга* (ДКВ, 360); *Коземко Лысой* (ДКБ, 60); *Оксютка*

Рябок (ДКБ, 66); Ивашко *Рябуха* (ПКВУ, 224); Семитка *Черной* (ДКБ, 357); Ивашко *Черной* (ДКБ, 59); Перша *Рыжков* (ДКБ, 351); Ивашко *Глазун* (ДКБ, 337); Баженко *Кудреватый* (ДКБ, 339) и др.

Отмечены личные имена, восходящие по происхождению к названиям частей тела человека, видимо, чем-то выделяющихся у именуемых: Савка Офонасьев *Брилкин* (ПКВУ, 192), *брила* 'губа'; Якушко *Нос* (ДКБ, 350); Ивашко *Шейка* и Ивашко *Шейн* (ПКВУ, 221, 175); Васка Карпов сын *Голова* (ДКБ, 41); Зеленка Иванов сын *Локтев* (ДКБ, 41); Гришка *Ус* (ДКБ, 43); Жданко *Ус* (ДКБ, 359); Осташко Лаврентьев *Борода* (ПКВУ, 193).

Значительное число именовании горожан, связанных с названиями животных (зоофорные имена). Известно, что в доисторический период существовала вера в чудесную силу животных, от которых якобы могли вести происхождение те или иные группы населения. Такими тотемами (покровителями рода) могли быть волк, медведь, конь, бык, кукушка, ворон, заяц и др.

В местных документах Кирилло-Белозерского монастыря конца XIV в. они чаще употреблялись на первом месте в составе формулы именовании: *Волк* Бородавский (1397; АСВР II, 5), тиун *Олень* (1397; АСВР II, 5); *Ворон* (1397; АСВР II, № 9) и др. В более поздних источниках XV–XVI вв. Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей такого рода имена занимают второе место, являются дополнительными личными именами (явления двуименности): Яков *Корова* Митин сын Шестаков (1435 АСВР II, № 319); Микула *Кот* Ортемьев сын Шестаков (1435 АСВР II, № 319); Олександр *Заецъ* Микитинъ (1448; АСВР II, № 115); Олешко *Орел* (1492; АСВР II, № 290); Кирил *Корова* (ВХК, 275); Стефан *Сорока* (ВХК, 305); Савва *Собака* (XVI; ВХК, 263).

В исследуемых писцовых и дозорных книгах Вологды, Белозера, Великого Устюга начала XVII в. зоофорные личные имена отмечены, как правило, либо на втором месте в составе модели именовании, либо они явились базой для образования патронимов (отчеств), либо фамильных прозваний. Рассмотрим состав зоофорных имен по семантике производящей основы.

Самое значительное число прозвищных имен было связано с названиями домашних животных, поскольку свойства, повед-

ки, внешний вид их были хорошо известны. Часты имена, образованные от таких названий животных, как *бык*, *конь*, *мерин*, *баран*, *козел*, *корова*, *поросенок*, *собака*: Игнашка *Быков* (ДКБ, 59); Ивашка Гаврилов *Бык* (ПКВУ, 90); Кондрашка *Конь* (ДКВ, 362); *Коняшко* Филипов (ДКВ, 361); Ондрей *Меринов* (ДКВ, 344); Ивашко Савельев *Баранов* (ПКВУ, 189); Гришка *Баранов* (ДКВ, 366); Герасимко Иевлев *Козел* (ДКВ, 221), Ивашко *Козел* (ДКВ, 362); Фочка Микитин *Коровин* (ПКВУ, 199); Дружиня Тимофеев *Собакин* (ДКБ, 4); Фетка *Кобелев* (ПКВУ, 164); Тренька *Поросячев* (ДКБ, 60); Первушка *Свиньин* (ДКВ, 359) и др.

Вполне вероятно, что в XVII в. под влиянием христианской религии уже исчезли пережитки тотемизма, поэтому зоофорные имена давались по другой причине. Как считает А.В. Гура, в традиционной культуре образы животных служат одним из средств выражения представлений о мире и различных его проявлениях [9]. По мнению Е.Н. Ивановой, в семантической структуре зоонимов выделяются образные компоненты, которые отражают древние представления о животных. «Истоки образа лежат в мифе о животном и в бытовых прагматических представлениях народа» [10]. Так, например, в образной семантической структуре слова *бык* ведущими семами являются «массивность, устойчивость», *баран* — «закругленность, раздвоенность», *козел* — «крестообразность, устойчивость», *конь*, *кобыла* — «продолговатость, устойчивость», *кабан*, *свинья* — «округлость, массивность» [11].

Выявление именно таких или подобных внешних физических признаков в именуемых и приводило к активизации зоофорных прозвищных личных имен.

Личные имена, восходящие к названиям диких животных, немногочисленны: Лучка *Медведь* (ПКВУ, 183); Дружинка Микифоров сын *Лося* (ДКБ, 42); Степанко Кузьмин *Лисица* (ПКВУ, 191); Жданко *Бобров* (ДКВ, 338); Дружинка Тимофеев *Хомяк* (ДКБ, 45).

Можно отметить в качестве личных имен также названия домашней птицы: Филка *Курица* (ДКБ, 45); Петрушка *Курица* (196); Ортюшка *Курочкин* (ДКВ, 316); Ивашко Некрасов *Петухов* (ПКВУ, 202). Личные имена, образованные от названий птиц, передавали физические свойства и особенности человека. В народном

сознании *ворона* — это «ротозей, зевака», *стриж* — «быстрый, подвижный человек», *воробей* — «ловкий, проворный», *коришун* — «черный, зловещий», *голубь* — «доброта, кроткость» и т.д. Ср.: Мишка Иванов *Стрижев* (ПКВУ, 192); Ивашко *Коришун* (ПКВУ, 180); Якунко *Воробьев* (ДКВ, 346); Федорка *Воробьев* (ДКВ, 346); Богашко *Цывилин* (ДКВ, 351), *циваль* — в волог. 'воробей' (Д: II, 574); Перша *Воронин* (ДКВ, 360); *Голубь* (ДКБ, 57); Митка *Синица* (ПКВУ, 290); Ивашко *Цапля* (ПКВУ, 175); Шалимко *Микитин Кулик* (ПКВУ, 145); Осипко *Галкин* (ДКБ, 57) и др.

Незначительны группы личных имен, образованных от названий насекомых: Тренка *Мизгирь* (ДКБ, 59); Митка *Паутов* (ДКВ, 352); Петрушка, Кондрашка, Якунка *Жужгины* (ДКВ, 355); Мишка *Жужгин* (ПКВУ, 180), *жужга* — перм., вят. 'насекомое, поедающее в засуху хлеб под корень' (Д: I, 546); *Комарько* Рогачевец (ДКБ, 46); Олешка *Комаров* (ДКВ, 359); Никита *Комар* (ДКБ, 42), Кирилко *Мухин* (ДКВ, 346); Васка Ларионов *Мураш* (ПКВУ, 181).

Среди нескольких сотен личных имен в наших материалах отмечены только три имени, восходящие к названиям растений: Пospelко Васильев сын *Чапыжников* (ДКБ, 41); Поздачко *Рябинин* (ДКВ, 197); Елизарко Карпов *Соснин* (ПКВУ, 200).

Состав второй лексико-семантической группы некалендарных прозвищных личных имен, характеризующих человека по отношению его к разным видам жизнедеятельности, к различным жизненным обстоятельствам, как мы уже отметили, незначителен по объему. Эти имена занимают в формуле именования обычно второе место. Выделяется группа личных имен, образованных от названий профессий, связанных с кожевенным делом: Нечайко *Хомутанников* (ДКБ, 45); Якуня *Кошкова* (ДКБ, 58); Посник *Овчинников* (ДКБ, 62); Петрушка *Баранников* (ДКБ, 64); Лучка *Шлейников* (ДКВ, 357); с бондарным: Сидор *Кадников* (ДКБ, 60); Семко *Тшанник* (ДКБ, 63); кузнечным: Малах *Кузнецов* (ДКБ, 60); Худяк *Железников* (ДКБ, 51); Богашко Нестеров сын *Бронников* (ДКБ, 42) и др. промыслами и ремеслами: Ортемка *Пирожников* (ДКБ, 50); Третьячко *Пирожник* (ДКБ, 63); Осипко *Дехтарь* (ДКБ, 64); Кирилко *Ветошников* (ДКВ, 345); Ивашко *Расторгуй* (ДКВ, 347) и др.

В Великом Устюге и Вологде отмечено прозвищное личное имя *Веселой*: Олешко Кузьмин *Веселой* (ПКВУ, 183), Тонкуша *Веселой* (ДКБ, 352); Ивашко *Веселой* (ПКВУ, 189), *веселой* 'ско-морох, певец, музыкант' [Сл. РЯ XI—XVII, II, 112].

Ряд прозвищных личных имен восходит к названиям продуктов труда, изготавливаемых в тот период на севере: Петрушка Иванов *Толоконцев* (ПКВУ, 203); Степка Колбаса (ДКБ, 64); Орефа *Леденицын* (ДКБ, 60); Степанко, Богдашко и Филипко *Леденцовы* (ДКБ, 300); Первушка *Кисель* (ДКБ, 3059), Гришка *Ковригин* (ПКВУ, 85); Санко *Чеботов* (ДКБ, 45); Томишко Лазарев сын *Башмаков* (ДКБ, 45); Третьяк *Сарфанов* (ДКБ, 336); Ушак *Мотовилов* (ДКБ, 62); Микифор *Телегин* (ДКБ, 63); Илейко Рубелев (ДКБ, 344); Семейка *Зобенкин* (ДКБ, 349); Харка *Косарев* (ДКБ, 55); Гришка *Батошков* (ДКБ, 339) и др.

И, наконец, отмечено несколько личных имен, образованных от этнонимов: Чудинко Степанов (ДКБ, 36); Чудинко Андреев (ДКБ, 43); Семейка *Армянинов* (ДКБ, 346); Дениско *Корела* (ДКБ, 361); Сенка *Кореленин* (ДКБ, 42).

Итак, оценивая лингвистическую информативность прозвищных личных имен, следует сказать, что они проливают некоторый свет на историю колонизации данного региона. Анализируемые личные имена отражают по преимуществу следы западной новгородской колонизации (*Гогунин* — ПКВУ, *Шалыгин* — ПКВУ, *Туранко* — ПКВУ, *Цыкавин* — ПКВУ, *Зех* — ДКБ, *Копос* — ДКБ, *Матурко* — ДКБ, *Огвазда* — ДКБ, *Булыга* — ДКБ, *Урюпа* — ДКБ и др.). Ряд прозвищных личных имен формируется из апеллятивов, возникших уже в период более или менее длительного пребывания славян на данной территории (*Сутыря* — ДКБ, *Трека* — ДКБ, *Галибин* — ДКБ, *Базун* — ДКБ, и др.). Отдельные факты свидетельствуют о формировании Восточной вологодской группы говоров (*Гиганов* — ПКВУ, *Чмутов* — ДКБ, *Шишарка* — ПКВУ) и др.

Вместе с тем рассмотренные прозвищные личные имена дают возможность реконструировать значительную группу диалектной лексики — названия лиц, которая характерна была для лексического состава говоров Двинско-Сухонского междуречья XV—

XVII вв., но не попала в памятники письменности и не нашла в связи с этим отражение в исторических словарях русского языка.

Исследуемые антропонимы отражают мир понятий и представлений населения Русского Севера XV—XVII вв. Малопригодные для жизни человека природные условия северной территории, тяжелые условия труда, связанные с подсечно-огневым земледелием, отголоски языческих верований с их грозными, беспощадными божествами — все это оказало решающее воздействие на складывание национального характера русского населения на севере России. Борьба за существование в течение столетий приводила к тому, что учитывались и подвергались осмеянию такие черты характера, поведения, внешнего облика человека, которые мешали выживанию, т.е. пустое времяпрепровождение, нежелание трудиться, бродяжничество, физическая слабость и т.д. Вот почему почти все исследуемые прозвищные личные имена имели пейоративную оценку.

Для отражения более полной картины понятий и представлений русского человека XV—XVII вв. необходимо исследование семантики прозвищных имен ряда регионов России.

Примечания

1. Nikonov V.A. Die Periodisierung der russischen Anthroponymie von den Anfängen bis 1917 (Vorläufiges Schema) // Sowjetische Namenforschung. — Berlin, 1975. — S. 103—115.
2. Подольская Н.В. Некоторые вопросы ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. — М., 1977.
3. Чичагов В.К. К истории русских имен, отчеств и фамилий. — М., 1959.
4. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — СПб., 1903.
5. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды. — М., 1968.
6. Мирославская А.Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики. — М., 1980.
7. 1617/18 — Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьева // Белоозерье: Историко-литературный альманах. — Вып. 1. — Вологда, 1994. — С. 37—76; Дозорная книга посада Вологды князя П.Г. Волконского и подьячего Л. Софонова. 1616—1617 гг. // Вологда: Историко-краеведческий альманах. — Вып. 1. — Вологда, 1994. —

С. 333–371; Писцовая книга Великого Устюга письма и меры М. Вышеславцева и подьячего А. Федорова 131, 132 и 134 гг. (ПКВУ) // Бысть на Устюзе: Историко-краеведческий сборник. — Вологда, 1993. — С. 160–233; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. — М., 1958 (АСВР); Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Словарь. Вологда, 1995 (ВФ); Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. — М.; Л., 1979 (ВХК).

8. Трубачев О.Н. В поисках единства. — М., 1992.

9. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. — М., 1997. — С. 22.

10. Иванова Е.Н. Образы животных в предметной диалектной лексике русского языка // Ономастика и диалектная лексика. III. — Екатеринбург, 1999. — С. 280.

11. Там же. — С. 183.